А. В. Майоров
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.v.maiorov@gmail.com

РУССКИЙ АРХИЕПИСКОП ПЕТР НА ЛИОНСКОМ СОБОРЕ¹

В статье устанавливается, что роль русского архиепископа Петра на Лионском соборе (1245 г.) не сводится только к передаче сенсационных сведений о татарах, как обычно принято думать. Не менее важной по своим последствиям оказалась демонстрация готовности к возобновлению переговоров о союзе церквей, продолжавшихся с переменным успехом на протяжении всего XIII в. между Апостольским престолом и правителями Византийской (Никейской) империи. Русские церковные иерархи, возглавлявшие Киевскую митрополию Греческой церкви, в середине 1240-х годов сыграли важную и пока еще недооцененную исследователями роль в установлении прямых контактов Греческой и Римской церквей и возобновлении переговоров о церковном единстве.

Ключевые слова: Первый Лионский собор 1245 г., папа Иннокентий IV, русский архиепископ Петр

Крупнейший историк середины XIII в. Матвей Парижский, монах бенедиктинского аббатства Сент-Олбанс в Хартфордшире, в своей *Великой хронике* приводит наиболее полный рассказ о Первом Лионском соборе (Тринадцатый Вселенский собор, по счету Римско-католической церкви), включающий тексты соборных декретов и других документов, полученных непосредственно от английских участников собора, чья делегация была одной из самых многочисленных, прежде всего от представителей Сент-Олбанского аббатства, побывавших в Лионе [Vaughan, p. 125 f.; Hilpert, s. 200 f.; Roberg, s. 62–65].

Среди разнообразных сведений, передаваемых этим хронистом, внимание историков-русистов неизменно привлекает рассказ о прибытии на Запад незадолго до открытия собора некоего русского архиепископа Петра, бежавшего от татар: «И пока этот роковой жребий надвигался на мир, некий архиепископ из Руссии, по имени Петр, муж, как можно было судить, честный, набожный и достойный доверия, изгнанный татарами, бежал из своего королевства и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для архиепископства своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность [здешних] правителей»².

Tractatus de ortu Tartarorum

Рассказ Петра о татарах в форме развернутых ответов на заранее сформулированные вопросы, интересовавшие папу и кардиналов, был записан еще до открытия Лионского собора (у Матвея Парижского он помещен под 1244 г.) и распространялся среди его участников в виде письменного документа, называемого «Трактат о возвышении татар» (*Tractatus de ortu Tartarorum*) [Bigalli, p. 64–74; Bezzola, s. 113–118; Klopprogge, s. 174–176, 192–193]. Обмолвка Матвея Парижского, что на своем пути из Руси Петр переправился через Альпы, дает основание думать, что сначала он побывал в Италии. Вероятно, первый контакт Петра с папской курией мог произойти осенью 1244 г., во время пребывания Иннокентия IV в Генуе [Wolter, Holstein, p. 49].

По всей видимости, текст «Трактата о возвышении татар» был в распоряжении курии еще до отбытия Плано Карпини и других посланников папы к монголам. Во всяком случае, рассказ Петра стал своего рода отправной точкой для Карпини, стремившегося в ходе своей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137П.

² Цит. по: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 151; оригинальный текст см.: *Matthaeus Parisiensis. Chronica majora* / Ed. H. R. Luard. London, 1877. T. IV. (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. T. LVII/4). P. 386.

миссии проверить показания русского информатора. Замечено, что добытые сведения о монголах папский посланник располагал в том же порядке, в каком давал свои показания Петр: девять глав «Истории Монгалов» Карпини в целом соответствуют девяти вопросам, заданным русскому архиепископу [Bezzola, s. 124 ff.; Schmieder, s. 199, n. 8; Jackson, 2012, p. 234–235].

О важности показаний последнего свидетельствует и тот факт, что, неоднократно записанные и переписанные, они сохранились в составе нескольких средневековых манускриптов, распространившихся по разным странам. Помимо *Великой хроники* рассказ Петра был включен также в *Анналы бенедиктинского аббатства в Бёртон-апон-Трент в Стаффордшире (Бёртонские анналы, вторая половина XIII в.)*. В последнее время стали известны еще три рукописи XIV в., содержащие текст трактата: две из них — Кембриджский манускрипт (Gonville and Caius College. 162/83) и так называемый Сборник Куртенэ (Royal Library in Copenhagen. Acc. 2011/5) — включают редакцию, очень близкую к тексту *Бёртонских анналов*; еще одна — Линцский манускрипт (Oberösterreichische Landesbibliothek. 446) — содержит особую редакцию трактата [Jackson, 2016, p. 66–67].

Происхождение архиепископа Петра

При изучении «русского эпизода» Лионского собора историков интересовали главным образом два вопроса: 1) кем именно был русский архиепископ Петр; 2) кто из русских князей делегировал его на Запад. В зависимости от ответов на эти вопросы сложились три основные гипотезы. Первая предполагает, что лионским гостем 1245 г. был галицкий епископ Петр, посланник князя Даниила Романовича. Согласно второй гипотезе, архиепископ Петр — это известный по русским источникам игумен Петр Акеревич из киевского монастыря Спаса на Берестове, ставленник князя Михаила Всеволодовича Черниговского. По третьей гипотезе, архиепископ Петр происходил из Северо-Восточной Руси и был отправлен на Запад владимиросудальским князем Ярославом Всеволодовичем (см.: [Паславский, с. 12–49]).

Линцский манускрипт, который сравнительно недавно ввел в научный оборот Анти Руотсала, как кажется, позволяет по-новому ответить на один из приведенных выше вопросов. В этом кодексе первой трети XIV в., вероятно, итальянского происхождения, в основном содержатся списки произведений Фомы Аквинского, к которым несколько позднее добавлены еще два текста, в том числе интересующий нас документ (Л. 244–245), озаглавленный: «Распрос архиепископа Петра из Белграба в России относительно татар» ([R]*Equisitus petrus archiepiscopus de belgrab in ruscia super facto tartarorum*) [Ruotsala, p. 154].

В новейшей литературе уже сделан вывод, что выступавший на Лионском соборе русский архиерей — это неизвестный ранее епископ Белгорода, располагавшегося близ Киева [Ruotsala, p. 154; Jackson, 2005, p. 87, 105]. Этот вывод дополнительными аргументами подкрепили Анти Селарт и А. В. Назаренко, показавшие, что Белгород имел одну из древнейших и влиятельнейших на Руси епископских кафедр, а белгородский епископ в качестве викария замещал киевского митрополита во время его длительных отъездов из Руси, например, в Константинополь или выполнял обязанности первосвященника в периоды, когда митрополичий престол становился вакантным [Селарт, с. 108–109; Назаренко, с. 71–72].

(Архи)епископ Петр мог быть лично связан с любым из русских князей, занимавших киевский великокняжеский престол в конце 1230-х — первой половине 1240-х годов, — с Михаилом Всеволодовичем, Даниилом Романовичем или Ярославом Всеволодовичем. Однако время визита Петра на Запад — 1244–1245 г. — говорит, скорее, в пользу Ярослава Всеволодовича. Последний во второй раз стал киевским князем, вероятнее всего, в 1243 г. после

своей поездки к Батыю и признания зависимости от него³. Во всяком случае, когда в конце 1245 г. через Киев проезжал Даниил Романович, в свою очередь направляясь в ставку Батия, Киевом управлял Ярослав через своего боярина Дмитрия Ейковича⁴.

Цели визита русского архиерея в Лион

Согласно Матвею Парижскому, Петр, изгнанный татарами из Руси, прибыл на Запад для получения помощи, совета и убежища, надеясь, что Римская церковь и западные князья согласятся ему помогать. В соответствии с этим, новейшие исследователи воспринимают Петра как беженца, вынужденного укрываться на Западе [Ruotsala, p. 153; Jackson, 2005, p. 87; Selart, p. 211]. Естественнее всего предположить, что он должен был покинуть родину незадолго до взятия монголами Киева в декабре 1240 г. и тем самым спас свою жизнь. Но где в таком случае находился Петр еще почти четыре года? Источники не дают ответа на этот вопрос, создавая трудноразрешимое противоречие с версией о Петре как беженце.

На наш взгляд, появление русского архиерея на Западе спустя несколько лет после завоевания монголами Руси, Польши и Венгрии, когда их войска уже были выведены из Центральной Европы, а Киев и Южная Русь оказались под властью завоевателей, требует пересмотра устоявшегося мнения о Петре и целях его визита в Лион.

Некоторые исследователи заподозрили Петра в том, что в действительности он не бежал от монголов, а, наоборот, был послан ими на Запад, чтобы дезориентировать Римскую церковь. Недавно подобную гипотезу обосновал Питер Джексон. В своих показаниях Петр стремился убедить папу и кардиналов в том, что монголы благосклонно (*benigne*) принимают послов и не причиняют им никакого вреда⁵. Папа был настолько воодушевлен этими новыми сведениями, неизвестными во время нашествия монголов на Европу, что незамедлительно направил к ним своих послов. Утверждения Петра убедили Иннокентия IV, что монголы соблюдают дипломатический этикет и что папские представители не будут попросту убиты, как жители Польши и Венгрии [Jackson, 2016, p. 73–75].

По словам Джексона, расспрос Петра папой и кардиналами имел как минимум два заметных последствия. Первое заключалось в укреплении сложившегося в Западной Европе эсхатологического впечатления, что захватчики были предвестниками Последних Времен, как предсказано Псевдо-Методием. Второе последствие было еще более важным, а именно: отправка Иннокентием IV трех отдельных дипломатических миссий к монголам уже в марте 1245 г., то есть за несколько недель до открытия Лионского собора. Эти посольства направлялись в те самые области, где, как утверждал Петр, были сосредоточены основные монгольские силы⁶ [Jackson, 2012, p. 225].

Петр не предупредил только об одном: монголы благосклонно приветствовали послов потому, что рассматривали их отправку как выражение готовности подчиниться своей власти, как первый шаг к признанию верховной власти монгольского хана. Не сделав этого шага, невозможно было установить мир с монголами [Jackson, 2016, p. 65–77].

Если русский архиепископ Петр действительно выступал в качестве тайного агента монголов, то, как кажется, повышается вероятность предположения, что этот архиерей отправился на Запад по поручению нового великого князя Киевского Ярослава Всеволодовича. Ярослав, как мы

³ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 470.

⁴ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 806.

⁵ Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralgebiet (1234/35) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischof Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen I: Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1956. Bd. 6. S. 194.

⁶ Annales monastici / Ed. H. R. Luard. London, 1864. T. 1. (Rerum Britannicorum Medii Aevi Scriptores. T. XXXVI/1). P. 273.

видели, сам только что совершил поездку в ставку Батия, признав свою зависимость от монголов и тем самым установив мир с ними. Весьма вероятно, что Батий мог потребовать от своего нового вассала, назначенного им старшим князем на Руси, побуждать других христианских правителей Запада (и, прежде всего, Римского папу) отправлять своих представителей к монголам, что воспринималось последними как начало признания политической зависимости. В свою очередь князь Ярослав мог поручить исполнение этой миссии белгородскому епископу Петру, временно замещавшему киевский митрополичий престол и фактически являвшемуся главой всей Русской митрополии.

Сохранившиеся источники подтверждают предположение о том, что роль русского архиепископа Петра в Лионе (каковы бы ни были его тайные намерения) не ограничивалась только сообщением новых сведений о татарах.

В *Бёртонских анналах*, составитель которых использовал документы, полученные по преимуществу от центральных властей Английского королевства [Hilpert, s. 180], представлена своя версия «Расследования о татарах, проведенного в Лионе господином папой» (более полная, чем версия Матвея Парижского), содержащая важные подробности, проясняющие, как нам кажется, цель пребывания русского архиерея на соборе Римской церкви: «Среди прочих прелатов мира прибыл на собор в Лионе рутенский архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшиеся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и все же через толмача блестяще, пред лицом его святейшества папы изложил Евангелие. Он также, особо приглашенный, с его святейшеством папой и другими прелатами, [как и они] облаченный в священные одежды, но не такого вида, как у них, присутствовал при богослужении»⁷.

Исследователи давно обратили внимание на необыкновенное поведение русского архиерея, описанное в английских анналах. Н. П. Дашкевич считал, что русский архиепископ изложил перед папой «наилучшим образом исповедание веры», находя этот поступок «странным» [Дашкевич, с. 148–149]. По мнению С. Томашевского, архиепископ Петр на Лионском соборе «выдержал нечто вроде теологического экзамена», «можно догадываться, что его “изложение Евангелия” включало также догматические вопросы» [Томашівський, с. 257–258]. Согласно Генриху Дёрри, экзамен на знание Евангелия, предложенный русскому архиепископу Петру, не мог быть простой проверкой его библейских знаний. В действительности вопрос заключался в том, насколько правильно Петр интерпретировал наиболее значимые евангельские тексты в греческом православном или в католическом смысле⁸.

Согласие русского архиепископа Петра сдавать перед папой и кардиналами специальный экзамен на знание Евангелия и, главное, успешное прохождение этого удивительного экзамена вызвали у исследователей сомнения в принадлежности Петра к православию. По мнению Н. П. Дашкевича, Петр мог быть неканоническим епископом какой-то части Руси, «колебавшейся между православием и латинством, или же Руси, не входившей во владения дома Св. Владимира и примыкавшей к восточным или южным окраинам этих владений» [Дашкевич, с. 150]. Согласно Г. Дёрри, поведение Петра на Лионском соборе не может не вызвать сомнения в том, был ли этот архиерей действительно греческим православным архиепископом⁹.

У нас нет оснований видеть в архиепископе Петре какого-то изгоя или самозванца. Сохранившиеся источники говорят о нем как о законном русском архиерее, чей статус не вызывал серьезных сомнений. Более того, согласно формуле Линцского манускрипта (*archiepiscopus de belgrab in ruscia*), Петр, как уже говорилось, должен был выступать на Лионском соборе в качестве временного главы всей Русской митрополии.

⁷ Цит. по: Мамузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. С. 180; оригинальный текст см.: *Annales monastici*. Т. 1. Р. 272.

⁸ Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. S. 185.

⁹ Ibid.

Трудно допустить, что столь высокопоставленного гостя участники собора экзаменовали бы на знание Евангелия только для того, чтобы проверить его статус или удостовериться в правдивости сообщаемых им сведений о татарах. Если миссию Петра в Лионе сводить только к передаче новых сведений о завоевателях, действительно, произведших сенсацию на Западе, то известия *Бёртонских анналов* будут выглядеть как малопонятная и даже излишняя подробность. Смутившая новейших исследователей, эта подробность требует заново переосмыслить роль и задачи русского архиепископа в Лионе.

Из сообщения *Бёртонских анналов* можно заключить, что «блестящее» знание Евангелия стало основанием, чтобы пригласить Петра к совместному богослужению вместе с «его святейшеством папой и другими прелатами». Согласно С. Томашевскому, последнее нельзя объяснить ничем иным, кроме как готовностью архиепископа Петра принять католичество и в качестве католика участвовать в богослужении и церковных советах. Томашевский допускал также, что после перехода в католичество архиепископ Петр на Лионском соборе мог быть назначен новым латинским архиепископом (митрополитом) Руси [Томашівський, с. 257–258]. Такого же взгляда придерживаются и некоторые новейшие исследователи [Паславський, с. 50–82].

Вывод о переходе архиепископа Петра в католичество нам кажется преждевременным. Против него свидетельствует указание *Бёртонских анналов*, что во время католической мессы, в которой вместе с папой и кардиналами участвовал Петр, последний был облачен «в священные одежды, но не такого вида, как у них (то есть римских прелатов. — А. М.)». Несомненно, литургическое облачение Петра соответствовало облачению епископа, но не римско-католического, а, очевидно, греко-православного.

Лионский собор и вопрос о церковном единстве

Читающееся в *Бёртонских анналах* известие о «блестящем» знании Петром Евангелия, которое он «изложил» перед папой, наводит на мысль, что на Лионском соборе в связи с прибытием русского архиепископа обсуждались не только монгольская угроза, но и некоторые догматические вопросы, по-разному понимаемые Римской и Греческой церквами, бывшие камнем преткновения на переговорах о церковной унии в предшествующее время.

Мы имеем в виду переговоры о союзе церквей, начатые никейским императором и патриархом в 1232 г. и завершившиеся богословским диспутом 1234 г. в Никее и Нимфейоне. Эта попытка сближения потерпела неудачу, прежде всего, вследствие неготовности греков к компромиссам в вопросах о филиокве и литургическом использовании пресного хлеба, предложенных папой Григорием IX¹⁰ [Gill, p. 64–72; Hussey, p. 214 f.; Chrissis, p. 93–98]. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что переговоры о церковной унии 1232–1234 г. и их провал имели непосредственный отклик на Руси, вызвав временное сближение, а затем разрыв с Римом [Маіоров, 2018].

В этой связи «блестящее изложение» Евангелия и участие в общей мессе с папой и кардиналами может свидетельствовать о том, что русский архиепископ Петр (и, как мы полагаем, *de facto* временный глава Русской митрополии) должен был заявить на Лионском соборе о готовности преодолеть догматические расхождения и тем самым воссоединиться с Римской церковью при сохранении греческих обрядов и, в частности, литургического облачения священнослужителей.

Всего через несколько лет по инициативе никейских властей была сделана новая, более решительная попытка объединения церквей: в конце 1249 г. на церковном соборе в Нимфейоне в присутствии делегатов Иннокентия IV никейский император Иоанн III Ватац предложил

¹⁰ См.: Golubovich G. Disputatio Latinorum et Graecorum seu Relatio apocrisiarum Gregorii IX de gestis Nicaeae in Bithynia et Nymphaeae in Lydia (1234) // Archivum Franciscanum Historicum. 1919. T. 12. P. 418–470.

признать папское *plenitudo potestatis* в обмен на отказ от поддержки Латинской империи и фактическое возвращение Константинополя грекам. Последние при этом по-прежнему отказывались признавать филиокве, настаивая на сохранении греческих церковных обрядов и признании экуменического статуса греческого патриархата [Gill, p. 88–92; Franchi, p. 167–179, 193–215; Chrissis, p. 159–172].

На таких же позициях, как кажется, находился русский делегат Лионского собора, архиепископ Петр. Трудно допустить, чтобы он мог руководствоваться только своими личными симпатиями к католицизму, совпадавшими, как полагал С. Томашевский, с прокатолическими взглядами князя Михаила Всеволодовича Черниговского, покровителя Петра: «По всему видно, что это был его (то есть Петра. — А. М.) личный выбор», и это был выбор именно в пользу католицизма, «поскольку Лионский собор делами церковной унии не занимался и вообще не имел ее в своей повестке» [Томашевский, с. 258].

Среди постановлений Первого Лионского собора, действительно, нет декретов, касающихся церковной унии с греками. Тем не менее этот важнейший для церкви вопрос, несомненно, был одним из главных для участников собора и неоднократно поднимался на его заседаниях, прежде всего, самим папой.

Основным источником сведений о ходе работы Лионского собора является так называемое «Краткое сообщение» (*Brevis nota*), составленное для *Liber cancellariae apostolicae* непосредственным очевидцем, неизвестным клириком папской курии, и, вероятно, бывшее в распоряжении Матвея Парижского [Tangl, s. 247 f.; Hilpert, s. 192–193]. Согласно этому источнику, на первой сессии собора (28 июня 1245 г.) Иннокентий IV выступил с проповедью, в которой перечислил пять своих «скорбей» (*dolores*), подобных пяти ранам Христа; третьей из них была «греческая схизма» и растущая опасность для латинского Константинополя, вызванная успешным наступлением греков: «В-третьих, о расколе греков, о том, как греческий император Ватац с отколовшимися греками захватили и разрушили землю почти до Константинополя, и можно было опасаться за город, если они (латинские защитники Константинополя. — А. М.) не получат быструю поддержку от христиан»¹¹ (см.: [Roberg, s. 55–58]).

В интерпретации Матвея Парижского, Иннокентий IV, обращаясь к делегатам собора, отнес раскол церкви к числу пяти «своих величайших скорбей» (*dolores suos maximos*), второй после татарской угрозы: «Другой была схизма Романии, т. е. Греческой церкви, которая в наше время, всего лишь несколько лет назад, оторвалась от груди своей матери, как будто она была ей мачехой»¹². Из этих слов (отвергать подлинность которых нет оснований) видно, что папа воспринимал отделение Греческой церкви как недавнее происшествие, очевидно, связывая его с неудачей церковного диспута 1234 г. Искусственно принижая масштаб этой проблемы, римский понтифик, возможно, имел надежду на ее сравнительно быстрое и безболезненное решение, которое он сможет предложить участникам собора.

Как бы то ни было, ясно, что вопрос о церковном расколе и, соответственно, возможных путях его преодоления был поставлен папой в основную повестку Лионского собора, объявленную на его первой сессии, и отнесен к числу пяти главных пунктов этой повестки (см.: [Wolter, Holstein, p. 64–65; Bezzola, s. 112; Melloni, p. 89]).

О намерении Иннокентия IV обсуждать вопрос о союзе церквей на Лионском соборе также свидетельствует его послание к болгарскому царю Коломану I Асеню от 21 марта 1245 г.

¹¹ «*Tertio de scismate Grecorum, quomodo Vatacius imperator Grecorum, cum Grecis scismaticis occupaverant and destruxerant terram fere usque ad Constantinopolim et de civitate timeri poterat, nisi a Christianis velocem succursum haberent*» (Relatio de Concilio Lugdunensi / Ed. L. Weiland // Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Hannover, 1896. T. II. No. 401. P. 514).

¹² «*Alium, quem pro schismate Romaniae, id est, Graecae ecclesiae, quae nostris temporibus et paucis evolutis annis a gremio matris, suae, velut novercae, insolenter et insolenter decisa est et aversa*» (*Matthaeus Parisiensis. Chronica majora*. T. IV. P. 434).

В этом письме папа призвал Коломана преодолеть церковный раскол и прислать своих делегатов на совет, который должен был состояться в Лионе¹³. Через несколько дней папа выступил с новым призывом к единству церкви, обращенным, прежде всего, к православным иерархам Балканских стран. Об этом свидетельствует булла *Cum sitis super* от 25 марта 1245 г., в которой свой призыв вернуться к единству с Римской церковью Иннокентий IV адресует прелатам болгар, владарей, сербов, а также алан, грузин, нубийцев, несториан «и других христиан Востока»¹⁴.

Можно предположить, что в первоначальные планы папы входило обеспечить участие в работе Лионского собора представителей нескольких православных церквей, обладавших полномочиями обсуждать вопрос о единстве с Римом. Однако по разным причинам этого не произошло, и в итоге на соборе в Лионе восточных христиан представлял только один иерарх — русский архиепископ Петр. Вследствие этого широкого обсуждения вопроса об объединении церквей не было: дело ограничилось лишь небольшим эпизодом — кратким догматическим диспутом с русским архиепископом, полностью удовлетворившим папу и кардиналов.

Как бы то ни было, пример архиепископа Петра, принявшего участие в совместном богослужении в Лионе, должен был продемонстрировать всем восточнохристианским иерархам возможный путь к евхаристическому единству с Римом.

«Вся Романия» в борьбе Иннокентия IV с Фридрихом II

Русский архиепископ Петр, хотя и оказался единственным православным иерархом в Лионе, все же не был единственным участником собора, кто заявлял о готовности Греческой церкви к союзу с Римом.

В *Великой хронике* Матвей Парижский сообщает, что представитель императора Фридриха II, магистр и великий юстициарий императорской курии Таддео да Свесса, охарактеризованный как «человек необычайной мудрости и красноречия, рыцарь и доктор права», еще на предварительной сессии собора (26 июня) заявил об уступках, которые Фридрих готов сделать папе в интересах мира. Император был готов лично вести борьбу с татарами, сарацинами и другими врагами церкви и совершить за свой счет новую экспедицию в Святую Землю. Кроме того, Таддео объявил о готовности Фридриха вернуть церкви все имущество, которое он когда-либо отнял у нее¹⁵.

Среди мирных предложений Фридриха II, сделанных от его имени участникам собора, пожалуй, самым многообещающим и заманчивым выглядит намерение привести к единству с Римской церковью Греческую империю. Не случайно Матвей Парижский поставил его на первое место в ряду других мирных инициатив Фридриха. Согласно этому хронисту, «чтобы примириться с папой и вернуть прежнюю дружбу», Таддео да Свесса «уверенно предложил восстановить в единстве с Римской церковью всю Романию, т. е. Греческую империю»¹⁶.

Однако Иннокентий IV отклонил все предложения императора как попытку уйти от ответственности. Папа потребовал сообщить, кто может гарантировать исполнение Фридрихом его обещаний. Таддео ответил, что поручителями будут короли Англии и Франции. Но папа не принял и это предложение, поскольку был уверен, что в будущем император откажется либо изменит свои обещания, «как это часто он делал», и папа будет вынужден осудить королев-поручителей, получив тем самым трех врагов вместо одного¹⁷ [Folz, s. 65 f.; Baaken, s. 299–300; Stürner, s. 533–534].

¹³ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Ed. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Rome, 1962. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Series III. T. IV/1). No. 20. P. 46.

¹⁴ Ibid. No. 21. P. 48–49.

¹⁵ *Matthaeus Parisiensis*. Chronica majora. T. IV. P. 432.

¹⁶ «Pro cujus pace et pristinae amicitiae reformatione optulit pro domino suo confidenter ad unitatem Romanae ecclesiae totum Romaniae, id est, Graeciae imperium, revocare» (*Matthaeus Parisiensis*. Chronica majora. T. IV. P. 432).

¹⁷ Ibid. P. 432–434.

В дальнейшем последовали новые грозные обвинения в адрес императора. После обвинений в ереси, прозвучавших на второй сессии собора (5 июля), Таддео да Свесса заявил, что Фридрих II должен лично присутствовать на соборе или прислать новых полномочных представителей, чтобы иметь полную возможность защитить себя¹⁸. Третью сессию, запланированную на 12 июля, делегаты согласились отложить до прибытия императора, только что покинувшего Верону и находившегося на пути к Турину [Wolter, Holstein, p. 70; Stürner, s. 534–536].

По-видимому, это был сильный ход сторонников Фридриха, добившихся выгодной для себя отсрочки [Cleve, p. 486]. По мнению Дэвида Абулафии, Иннокентий IV оказался в ловушке, выхода из которой он вместе со своими советниками энергично искал в начале июля. Папа понимал, что, появившись в Лионе, Фридрих окажется в выигрыше: готовность императора подчиниться церковному суду станет «пропагандистским переворотом» и крайне затруднит возможность отказаться от его мирных предложений [Abulafia, p. 371].

Противники императора также не сидели сложа руки. Основная борьба происходила в перерыве между второй и третьей сессиями собора во время тайных встреч и переговоров папы с его участниками. В ходе этих консультаций папе удалось заручиться поддержкой почти всех прелатов, обладавших правом голоса и согласившихся с вердиктом о низложении Фридриха [Wolter, Holstein, p. 72; Stürner, s. 536]. Согласно *Brevis nota*, печати архиепископов и епископов, давших это согласие, сразу привешивались к заранее составленной булле о низложении, и при обнародовании документа на ней висело уже около 150 печатей¹⁹.

Однако существует и другая версия описываемых событий, заслуживающая, как кажется, большего доверия. Запись о 150 прелатах, будто бы поддержавших решение о низложении императора, была внесена в текст *Brevis nota* позднее, перед включением ее в *Liber cancellariae apostolicae*. Как показал в свое время Михаэль Тангл, первоначальный вариант *Brevis nota* завершался сообщением о том, что для некоторых делегатов собора провозглашение вердикта о низложении Фридриха в конце третьей сессии стало полной неожиданностью. Чтобы оправдать действия Иннокентия IV, папский вице-канцлер внес изменения в первоначальный текст документа, записав, будто накануне решающей сессии папа заручился согласием абсолютного большинства прелатов, поставивших свои печати под буллой о низложении [Tangl, s. 251]. К такому же выводу приходят и новейшие исследователи, полагая, что в действительности решение о низложении Фридриха могли поддержать и скрепить своими печатями не более сорока прелатов; остальные делегаты собора были поставлены перед свершившимся фактом [Baaken, s. 307–309].

Для доказательства вины императора и привлечения на сторону папы делегатов собора использовались любые средства. Согласно *Великой хронике*, многие из делегатов собора, кто симпатизировал Фридриху, перешли на сторону папы после того, как стало известно, будто император, услышав о выдвинутых против него обвинениях, отказался лично ехать в Лион и предстать перед собором в качестве подсудимого²⁰. Разумеется, это были только слухи, умело пущенные врагами Фридриха.

Еще находясь в Вероне, император по предложению собора сформировал новую делегацию своих представителей, в которую вошли фрайзингенский епископ Конрад I фон Тольц-Гогенбург, великий магистр Тевтонского ордена Генрих фон Гогенлоэ и великий судья императорской курии Пьетро делла Винья²¹ [Stürner, s. 536]. Сам Фридрих, судя по документам императорской канцелярии, 8 июля покинул Верону и через Кремону и Павию направился к Турину, на подьезде к которому получил известие о низложении²².

¹⁸ Relatio de Concilio Lugdunensi. P. 515; *Matthaeus Parisiensis*. Chronica majora. T. IV. P. 436.

¹⁹ Relatio de Concilio Lugdunensi. P. 516.

²⁰ *Matthaeus Parisiensis*. Chronica majora. T. IV. P. 434–435.

²¹ *Historia diplomatica Friderici Secundi* / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. Paris, 1860. T. VI/1. P. 335.

²² *Regesta Imperii* / Ed. J. Fr. Böhmer, J. Ficker. Innsbruck, 1881. T. V/1. Nr. 3490 a-g. P. 621–622.

Тайно заручившись поддержкой части прелатов, Иннокентий IV отказался дожидаться прибытия в Лион императора или назначенных им представителей. На третьей заключительной сессии собора (17 июля) была зачитана булла о низложении Фридриха как отверженного Богом за его грехи, неспособного в силу этого «царствовать и править»; Штауфен был лишен императорского достоинства, а также власти над империей и всеми королевствами. Папа освободил всех подданных Фридриха от клятвы верности и под угрозой отлучения запретил впредь повиноваться ему²³. Таддео да Свесса объявил этот приговор недействительным и призвал будущего папу и новый Вселенский собор исправить несправедливость Иннокентия IV²⁴ [Stürner, s. 536–537].

Союз Фридриха II с Иоанном III Ватацем и борьба греков за возвращение Константинополя

Несмотря на очевидный пропагандистский характер обещания Фридриха II восстановить единство Римской и Греческой церквей, едва ли можно сомневаться, что это громкое заявление было сделано в Лионе в результате предварительной договоренности и с согласия никейского императора Иоанна III Ватаца.

С конца 1230-х годов западный и восточный императоры были союзниками и вели согласованную внешнюю политику. В письме к Фридриху II от 17 марта 1238 г. папа Григорий IX выразил свое крайнее беспокойство по поводу этого союза, усматривая в нем намерение Фридриха вернуть Константинополь грекам²⁵. Союз германского и никейского императоров выражался в совместных военных мероприятиях: по сообщению *Гибеллинских анналов Пьяченцы*, весной 1238 г. в помощь армии Фридриха II в Ломбардию прибыли «воины греческого императора Ватаца» (*milites Vatacii Grecorum imperatoris*), принявшие участие в неудачной осаде Брешиа (июль — октябрь)²⁶ [Cleve, p. 414–416]. Наиболее полным выражением союза стал брак Ватаца с Констанцией, незаконнорожденной дочерью Фридриха, заключенный в 1241 г. [Kiesewetter].

В своем настойчивом стремлении вернуть Константинополь под власть греков Ватац постоянно сочетал политическое давление и военные действия против Латинской империи с дипломатическими уловками и предложениями возобновить переговоры о союзе церквей. В середине 1230-х годов официально отлученный папой от церкви, Ватац свои мирные предложения в адрес Апостольского престола должен был делать через посредников. Парадоксальным образом таким посредником стал Фридрих II, сам находившийся под церковным отлучением. Принимая на себя эту роль, Штауфен имел в виду собственные интересы, не всегда совпадавшие с интересами Ватаца.

По сообщению *Кёльнской королевской хроники*, хорошо информированного источника, синхронного событиям 1240-х годов, в числе наиболее последовательных сторонников Фридриха II на Лионском соборе был латинский император Балдуин II, сидевший по правую руку от папы: «...император Константинополя Балдуин и граф Тулузский настоятельными просьбами заступались за императора [Фридриха] ...»²⁷. Этот факт также свидетельствует о тщательной подготовке мирных предложений Штауфена, в частности, касавшихся церковной унии с греками. Какими бы ни были договоренности Фридриха с Ватацем, они должны были учитывать интересы

²³ Bulla Depositionis / Ed. L. Weiland // Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. II. No. 400. P. 508–512.

²⁴ Relatio de Concilio Lugdunensi. P. 516; *Matthaeus Parisiensis*. Chronica majora. T. IV. P. 456, 473; Documents illustrative of English History / Ed. H. Cole. London, 1844. P. 351.

²⁵ Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) / Ed. A. Tàutu. Rome, 1950. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Series III. T. III). No. 236. P. 314–315.

²⁶ Annales Placentini Gibellini a. 1154–1284 / Ed. Ph. Jaffé // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XVIII. P. 479.

²⁷ Chronica regia Coloniensis (Annales maximi Coloniensis) / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum. Hannover, 1880. T. XVIII. P. 287.

Балдуина II. Уверенный тон выступления Таддео да Свесса на Лионском соборе, отмеченный Матвеем Парижским, также указывает на тщательную подготовку его предложений. Сделав их на подготовительной сессии, представитель императора попытался направить дальнейший ход собора по заранее подготовленному сценарию, выгодному для Фридриха.

Еще одним посредником в отношениях никейского императора с Апостольским престолом несколько раз выступал венгерский король Бела IV, другой важный союзник и родственник Ватаца.

Известно, что еще в конце 1240 или в начале 1241 г. король Бела уведомил папу Григория IX о желании никейского императора и его подданных вернуться под власть Апостольского престола. Это с очевидностью следует из ответного письма папы к венгерскому королю от 10 февраля 1241 г., в котором римский понтифик, в частности, писал: «...при Вашем посредничестве славный муж Ватац со всеми своими землями и народами, духовенством и церквями, которые [...] оставались, как известно, вне единства Римской церкви, пожелал, по здравом, хоть и запоздалом, размышлении, смиренно вернуться к ней, как к главе и матери овец...»²⁸.

Смерть папы Григория IX и наступивший затем период, когда папский престол оставался вакантным, на несколько лет отодвинули начало нового раунда переговоров о союзе церквей. Церковный собор в Лионе давал удобный повод для нового обсуждения этого вопроса. В нем так или иначе были заинтересованы все ведущие политические силы мира: не только папа, но также западный и восточный императоры, хотя каждый из них при этом преследовал собственные цели.

Роль русских архиереев в экуменических процессах середины XIII в.

Вопрос о союзе церквей, поднятый уже на первом заседании Лионского собора, был в числе важнейших приоритетов Иннокентия IV до конца его понтификата (см.: [Vries; Gill, p. 95–96; Hussey, p. 216]). О значении, которое папа и другие участники собора придавали этому вопросу, несомненно знал представитель императора Таддео да Свесса, поставивший его на первое место в ряду мирных предложений Фридриха, упрочив тем самым позиции своего сюзерена.

Чтобы переломить неблагоприятное развитие ситуации, папа и кардиналы, как мы видели, предприняли значительные усилия по дискредитации Фридриха и его мирных намерений, пуская в ход в том числе явно сфабрикованные улики и дезинформацию.

Весьма вероятно, на наш взгляд, что свою важную роль при этом могло сыграть неожиданное для сторонников Фридриха, но заранее подготовленное папой появление перед делегатами собора русского архиепископа Петра и нарочитая демонстрация им готовности к союзу с Римской церковью.

На Лионском соборе архиепископ Петр выступал, несомненно, в официальном качестве главы Русской митрополии Греческой церкви, или, точнее говоря, именно в таком качестве он был представлен делегатам собора. Об этом, прежде всего, свидетельствует титул архиепископа Руси, не принадлежавший Петру на родине, а присвоенный на Западе. С точки зрения Римской церкви, титул «архиепископ Руси» (*archiepiscopus Russiae, archiepiscopus de Russcia*), вероятно, должен был соответствовать титулу «митрополит Киевский и Великой (то есть всей) Руси» (*μητροπολίτης Ρωσίας*), использовавшемуся в Греческой церкви.

С большой вероятностью можно предположить, что после бегства или гибели митрополита Иосифа, произошедшей в период завоевания монголами Южной Руси (1240 г.), белгородский епископ Петр должен был стать временным главой Русской митрополии и оставаться

²⁸ «Cum enim, sicut per easdem nobis litteras intimasti, Graecorum populum quas caliginosum montem gratiae suae radii Dominus videatur adeo illustrare, ut tuo studio mediante nobilis vir Battacius, cum terris suis et populis, cleris et ecclesiis universis, qui, ut Efraim, quae dudum velut columba seducta invocavit Aegyptum, extra unitatem Bornanae Ecclesiae permansisse dinoscitur, ad eam, quasi ad caput et matrem ovium, sano, quamvis sero, usus consilio, desideret cum humilitate redire...» (Acta Honorii III et Gregorii IX. No. 265. P. 347).

таковым до официального назначения нового митрополита константинопольским (никейским) патриархом, состоявшегося не ранее 1246 г., после поездки в Никею Кирилла, ставленника Даниила Романовича. Следовательно, на Лионском соборе Петр действительно выступал в качестве главы Русской митрополии и тем самым воспринимался его участниками как один из высокопоставленных иерархов Греческой церкви.

Если наши выводы верны, то готовность Петра к компромиссу по спорным догматическим вопросам и его показательное участие в праздничной мессе совместно с папой и кардиналами (вне зависимости от того, в какой мере действия Петра были санкционированы никейским патриархом и императором) должны были убедить участников Лионского собора в том, что Римская церковь способна преодолеть раскол и вернуть греков к единству с ней своими собственными силами, не прибегая к сомнительной помощи императора Фридриха.

Таким образом, роль русского архиепископа на Лионском соборе сводилась не только к передаче сенсационных сведений о татарах, как обычно принято думать. Не менее важной по своим последствиям оказалась, как нам кажется, демонстрация готовности к возобновлению диалога церквей. Незамеченное нашими основными источниками — *Brevis nota* и *Великой хроникой* — выступление Петра с «блестящим» изложением Евангелия должно было произойти не на пленарной сессии перед лицом всех делегатов собора, а в каком-то более узком собрании, вероятнее всего, на одном из тайных заседаний папы и высших прелатов, происходивших между второй и третьей сессиями. Матвей Парижский, чьими главными информаторами были делегаты, представлявшие аббата Сент-Олбанского монастыря, не располагал полными сведениями об этих тайных собраниях. Однако такие сведения могли оказаться в руках составителя *Бёртонских анналов*, пользовавшегося, как уже говорилось, дополнительной информацией, полученной от центральных властей Английского королевства, а также из архивов епископов Ковентри, Личфилда и Линкольна [Gransden, p. 408–409].

Странное и, казалось бы, не приемлемое для православного иерарха поведение русского архиепископа Петра на Лионском соборе, насколько можно судить, не вызвало недоверия или осуждения ни на Западе, ни на Востоке. Важно заметить, что свою готовность к воссоединению с Римской церковью Петр продемонстрировал накануне нового раунда союзных переговоров, начавшегося после официального обращения к папе никейского патриарха весной 1249 г. Следствием этих переговоров стало дальнейшее сближение Греческой и Римской церквей, выразившееся, в частности, в церковной унии Руси с Римом и коронации Даниила Галицкого (см.: [Майоров, 2015]). На этом фоне миссия Петра в Лионе выглядит как своего рода попытка проверить готовность нового понтифика к возобновлению церковных переговоров, а также обсудить возможные условия будущей унии.

За этой первой попыткой последовали другие, осуществленные также через посредников. Новым посредником на переговорах никейского императора с римским понтификом стала венгерская королева Мария Ласкарина, сестра первой жены Ватаца. О посреднических усилиях королевы Марии в интересах союза церквей прямо свидетельствует письмо к ней Иннокентия IV, датированное 30 января 1247 г., в котором папа писал: «Итак, дражайшая во Христе дочь, ...мы побуждаем и просим Твое Высочество безотлагательно направить к упомянутому Ватацу каких-нибудь посланников, мужей предусмотрительных и благоразумных, чтобы упомянутый Ватац благодаря их усердию и заботе вернулся к единству с Матерью-Церковью»²⁹.

Это поручение папа сделал в ответ на ранее доставленное к нему письмо самой королевы Марии, в котором она сообщала о своей уверенности в успехе таких переговоров или, по крайней

²⁹ «Ut igitur, carissima in Christo filia, effectus huiusmodi negotii facilius subsequatur, Excellentiam Tuam requirimus et rogamus, quatinus aliquos nuntios, viros providos et discretos, ad praefatum Vatacium non differas destinare, quorum diligentiae studio et sollicitudinis industria praedictus Vatacius ad unitatem matris Ecclesiae revertatur» (Acta Innocentii PP. IV. No. 34. P. 77).

мере, надежде на их благоприятный исход. Во всяком случае, папа хвалит королеву не только за ее благие намерения, но и, как кажется, за уже проявленные старания и их обнадеживающие результаты, вызвавшие прилив оптимизма у понтифика: «...ты в меру сил радеешь и стараешься о том, чтобы Ватац и его народ вернулись в лоно Матери-Церкви, мы поистине возликовали, услышав об этом, и славим тебя за это»³⁰.

Несохранившееся письмо Марии, отправленное папе, вероятно, в конце 1246 г., как нам представляется, должно было содержать сведения о готовности к продолжению переговоров с Римской церковью, доставленные из Никеи новым русским митрополитом Кириллом. Это тем более вероятно, если учитывать, что, по словам *Галицко-Волынской летописи*, на пути в Никею (следовательно, и на обратном пути до Венгрии), Кирилла сопровождал эскорт, предоставленный для его безопасности королем Белой³¹. По нашим расчетам, Кирилл отправился в Никею в начале июня 1246 г. [Майоров, 2016, с. 48–49] и, вероятнее всего, вернулся обратно в конце того же года.

Можно думать, что усилиями венгерской королевы Марии, чей супруг Бела IV, как мы видели, ранее уже выступал посредником в переговорах Ватаца с Римом, при участии нового митрополита Кирилла было продолжено дело, начатое (архи)епископом Петром в Лионе. Тем самым именно русские церковные иерархи, возглавлявшие Киевскую митрополию Греческой церкви, в середине 1240-х годов, как нам представляется, сыграли важную и пока еще недооцененную исследователями роль в установлении прямых контактов Греческой и Римской церквей и возобновлении переговоров о церковном единстве.

Литература

- Дашкевич Н. П. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с латинством // Киевские университетские известия. 1884. № 8. С. 136–181.
- Майоров А. В. «Cum quodam rege Rucsie singlariter in prelio dimicans...»: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 35–51.
- Назаренко А. В. Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.
- Паславський І. Український епізод Першого Ліонського собору (1245 р.). Львів, 2009.
- Селарт А. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // Rossica Antiqua. 2011. № 1. С. 100–113.
- Томашівський С. Предтеча Ісидора. Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241–1245) // Записки Чина Св. Василя Великого. Жовква, 1927. Т. 2. С. 221–290.
- Abulafia D. Frederick II. A Medieval Emperor. New York; Oxford, 1988.
- Baaken G. Ius imperii ad regnum. Königreich Sizilien, Imperium Romanum und Römisches Papsttum vom Tode Kaiser Heinrichs VI. bis zu den Verzichtserklärungen Rudolfs von Habsburg. Köln; Weimar; Wien, 1993.
- Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974.
- Bigalli D. I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.
- Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece. A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012.
- Cleve T. C. van. The Emperor Frederick II of Hohenstaufen, Immutatio Mundi. Oxford, 1972.
- Folz A. Kaiser Friedrich II. und Papst Innocenz IV. Ihr Kampf in den Jahren 1244 und 1245. Straßburg, 1905.

³⁰ «...exultantes accepimus et referimus gloriantes, quod pro tuis insistis viribus et laboras, ut ad sinum matris Ecclesiae redeat Vatacius et gens eius, ex quo tanto tibi maiores actiones referimus gratiarum, quanto magis id ad laudem cedit et gloriam Jesu Christi, exaltationem contigit et commodum Sponsae suae, nostram et tuam utilitatem respicit pariter et honorem». (Ibid.).

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

- Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). Rome, 1981.
- Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, NJ, 1979.
- Gransden A. Historical Writing in England c. 550 to 1307. London, 1974.
- Hilpert H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris. Stuttgart, 1981.
- Hussey J. M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986.
- Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
- Jackson P. Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255 // The Cambridge Companion to Francis of Assisi / Ed. M. J. P. Robson. Cambridge, 2012. P. 224–239.
- Jackson P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation? // Journal of the Royal Asiatic Society. 2016. Vol. 26. No. 1–2. P. 65–77.
- Kiesewetter A. Die Heirat zwischen Konstanze-Anna von Hohenstaufen und Kaiser Johannes III, Batatzes von Nikaia (Ende 1240 oder Anfang 1241) und der Angriff des Johannes Batatzes auf Konstantinopel im Mai oder Juni 1241. // Römische Historische Mitteilungen. 1999. Bd. 41. S. 239–250.
- Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993.
- Maierov A. V. Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Bd. 126. No. 1. P. 11–34.
- Maierov A. V. Church-union negotiations between Rome and Nicaea and the Union of Rus', 1231–1237 // Orientalia Christiana Periodica. 2018. Vol. 84. No. 2. P. 472–498.
- Melloni A. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genua, 1990.
- Roberg B. Zur Überlieferung und Interpretation der Hauptquelle des Lugdunense I von 1245 // Annuaire Historiae Conciliorum. 1990. Bd. 22. S. 31–67.
- Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001.
- Schmieder F. Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994.
- Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015.
- Stürner W. Friedrich II. Darmstadt, 2003. T. II.
- Tangl M. Die sogenannte „Brevis Nota“ über das Lyoner Concil von 1245 // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1891. Bd. 12. S. 246–253.
- Vaughan R. Matthew Paris. Cambridge, 1979.
- Vries W. de. Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten // Ostkirchliche Studien. 1963. Bd. 12. S. 113–131.
- Wolter H., Holstein H. Lyon I et Lyon II. Paris, 1966. (Histoire des conciles œcuméniques. T. 7).

References

- Abulafia, D. Frederick II. A Medieval Emperor. New York; Oxford, 1988.
- Baaken, G. Ius imperii ad regnum. Königreich Sizilien, Imperium Romanum und Römisches Papsttum vom Tode Kaiser Heinrichs VI. bis zu den Verzichtserklärungen Rudolfs von Habsburg. Köln; Weimar; Wien, 1993.
- Bezzola, G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974.
- Bigalli, D. I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.
- Chrissis, N. G. Crusading in Frankish Greece. A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012.
- Cleve, T. C. van. The Emperor Frederick II of Hohenstaufen, Immutator Mundi. Oxford, 1972.
- Dashkevich, N. P. Peregovory pap s Daniilom Galitskim ob unii iugo-zapadnoi Rusi s latinstvom [Negotiations between Popes and Daniel Galitsky on the union of southwestern Rus' with Latins]. In Kievskie universitetskie izvestiia. 1884. № 8. P. 136–181.

- Folz, A. Kaiser Friedrich II. und Papst Innocenz IV. Ihr Kampf in den Jahren 1244 und 1245. Straßburg, 1905.
- Franchi, A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). Rome, 1981.
- Gill, J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, NJ, 1979.
- Gransden, A. Historical Writing in England c. 550 to 1307. London, 1974.
- Hilpert, H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris. Stuttgart, 1981.
- Hussey, J. M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986.
- Jackson, P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
- Jackson, P. Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255. In *The Cambridge Companion to Francis of Assisi* / Ed. M. J. P. Robson. Cambridge, 2012. P. 224–239.
- Jackson, P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation? In *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2016. Vol. 26. No. 1–2. P. 65–77.
- Kieseewetter, A. Die Heirat zwischen Konstanze-Anna von Hohenstaufen und Kaiser Johannes III, Batatzes von Nikaia (Ende 1240 oder Anfang 1241) und der Angriff des Johannes Batatzes auf Konstantinopel im Mai oder Juni 1241. In *Römische Historische Mitteilungen*. 1999. Bd. 41. S. 239–250.
- Klopprogge, A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993.
- Maiorov, A. V. Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome. In *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 2015. Bd. 126. No. 1. P. 11–34.
- Maiorov, A. V. „Cum quodam rege Ruscie singelariter in prelio dimicans...“: byl li Daniil Galitskii uchastnikom bitvy na Leite? [„Cum quodam rege Ruscie singelariter in prelio dimicans...“: Was Daniel Galitsky a Participant in the Battle of Leitha?]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. № 4 (66). P. 35–51.
- Maiorov, A. V. Church-union negotiations between Rome and Nicaea and the Union of Rus', 1231–1237. In *Orientalia Christiana Periodica*. 2018. Vol. 84. No. 2. P. 472–498.
- Melloni, A. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genua, 1990.
- Nazarenko, A. V. Arkhiepiskopy v Russkoi tserkvi domongol'skogo vremeni [Archbishops in the Russian Church of pre-Mongol time]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. № 4 (62). P. 67–76.
- Paslavs'kyi, I. Ukrain's'kyi epizod Pershogo Lions'kogo soboru (1245 r.) [Ukrainian Episode of the First Lyon Council (1245)]. Lviv, 2009.
- Roberg, B. Zur Überlieferung und Interpretation der Hauptquelle des Lugdunense I von 1245. In *Annuaire Historiae Conciliorum*. 1990. Bd. 22. S. 31–67.
- Ruotsala, A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001.
- Schmieder, F. Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994.
- Selart, A. Arkhiepiskop Petr i Lionskii sobor 1245 goda [Archbishop Peter and Council of Lyon in 1245]. In *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. P. 100–113.
- Selart, A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015.
- Stürner, W. Friedrich II. Darmstadt, 2003. T. II.
- Tangl, M. Die sogenannte „Brevis Nota“ über das Lyoner Concil von 1245. In *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1891. Bd. 12. S. 246–253.
- Tomashivs'kyi, S. Predtecha Isydora. Petro Akerovych, neznanyi mytropolyt rus'kyi (1241–1245) [The Forerunner of Isidore. Petr Akerovich, Unknown Russian Metropolitan (1241–1245)]. In *Zapysky Chyna Sv. Vasyliia Velykoho*. Zhovkva, 1927. T. 2. P. 221–290.
- Vaughan, R. Matthew Paris. Cambridge, 1979.
- Vries, W. de. Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten. In *Ostkirchliche Studien*. 1963. Bd. 12. S. 113–131.
- Wolter, H., Holstein, H. Lyon I et Lyon II. Paris, 1966. (Histoire des conciles œcuméniques. T. 7).

*Alexandr V. Maiorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

RUS' ARCHBISHOP PETER AT THE COUNCIL OF LYON

The article establishes that the role of the Rus' Archbishop Peter at the Council of Lyon (1245) is not limited only to the transfer of sensational information about the Tatars, as is usually thought. No less important in their consequences was the demonstration of readiness to resume negotiations on the union of Churches, which continued with varying success throughout the 13th century between the Apostolic See and the rulers of the Byzantine (Nicene) Empire. In the mid-1240s, the Rus' Church hierarchs who headed the Kiev Metropolis of the Greek Church played an important role yet underestimated by researchers in establishing direct contacts between the Greek and Roman Churches and the resumption of negotiations on Church unity.

Keywords: First Lyon Council of 1245, Pope Innocent IV, Rus' Archbishop Peter